

Ирина Озерная

Новые стишаги

Скоморох и Русалка

Тетраптих

Скоморох

Так край уха окна,
Русалкой отмеченный
Мелом, поднятым ею со дна –
Круглолицым, стремительным
И судьбоносным,
Как первый встречный –
Обернулся бескрайностью
В нашей жизни волнах.

Русалка, Русалка, я тебя не забуду!
Влюбиться скоропостижно так –
Мне на роду...
Русалка выглядывает из-под лестницы откуда-то,
И хохот ее заплескивает скомороховую беду.

Приплыли! Ну, надо ж так!
На скульптуру Русалки,
Выставленную в музее,
Неотрывно гляжу,
А она подмигивает,
Меня ей не жалко.
Как болван цепенею
И не отхожу.

Русалочка, – говорю ей, –
Что же мне делать?
Всех забыл! Как же дети?
Дети, дом и жена?
А Русалка в ответ очередные сети
Забрасывает, мол, она лишь одна.

И стою истуканом под рыбий хохот,
Холодный хохот, жгущий, как плеть,
Но вдруг слышу музыку горького вздоха
И слова: «Отпускаю. Иди себе петь!»

И любовь ее глаз обнимает душу.
И свободы ветер несет к горам,
Между ними и морем обрел я сушу,
Где не душно петь и так любитя нам.

И пою в горах под аккомпанемент моря,
И слышу в волнах его, веселящихся вскачь,
То смех зеленый, то выдохи горя,
То шепот, то всхлипы, то радость, то плач.

И дети мои поют со мною,
И жена машет весело морю рукой...
Но однажды я снова увидел: с волною
На ушастом окне возник след меловой.

Русалка

1

Вот уж право, какой чудак...
Нет, не чудак, а дурак, дурак!
Я ему Космос, а он мне – *так!*
Ему сонм журавлей, а он мнет синицу!
Вон тискает ее, тискает, потому что боится!
Меня боится

Огня боится
Моря боится
Неба боится

Море и Небо – одна страсть
Любовью звать
От нее бежать-не-убежать –
Море предать
Небо предать
Дар потерять

Ну и пусть себе топает
Хвостом махну
Повою на Луну
Охолону
И пойду ко дну

А там у меня
Там у меня
Море Неба и Огня
Неба и Огня...

Помни меня!

2

Тут Русалка хвостом махнула
И ушла в глубокое море.
Синее море.
Зеленое море.
Море цвета морской волны...
Здесь напрашивается рифма: горе,
но трюизмом не тронешь струны.
Не загомосит она, не заплачет,
не затараторит в пиццикатном бреду...
Да и не сразу Скоморох озадачен
был. Не сразу въехал в свою беду.
Лишь когда синица из рук улетела,

умахнула за море, огляделся он вдруг,
а вокруг, а вокруг-то одно заборье,
выжженный лес, да примятый луг.
Пеплом усыпан песок пустыни,
и цвета пепла его голова...
Не поется, но море по-прежнему сине,
за которым синица, куда ушла
Русалка... «Русалка, я тебя не забуду!
Влюбиться скоропостижно так –
Мне на роду!»
Русалка выглядывает из-под лестницы откуда-то,
И хохот ее заплескивает скомороховую беду...

3

Обернуся красной девицей
И усядусь на завалину
Сокрою я губки бантиком
И заморожу коня.
Не спасет тебя ни ладанка,
Что висит на шее ладно так,
Ни молитва, ни счет банковский –
Не минувешь ты меня.

Элегия

Ветшает тело,
Усмиряя тень,
Крошится вечер
Ночью беспощадной,
Мой дом как гроб –
Он временный и постоянный,
Причал конечный,
Краеугольный ромб.
Краем угла
Я втисну отраженье
В речное зеркало,
Но не поверив мненью

Воды, я краем угля
Лгу автопортрет.
Но я не рисовальщик, нет!
И потому, не веря углю,
Я снова забиваюсь в угол.

И кто и как я? До каких пределов
Мне в беспределье дали делать дело?
И дело ли оно или обман
Словесный – буквами на нитку
Нанизанный? Уходит караван
Зернистых слов в подземную калитку
Или взмывает журавлей агитка
Курлычащая слов моих канкан?

Прибудет завтра или все – вчера?
Финальный тур, последняя игра.

Memento mori

Как Антей держусь за Землю,
Как Атлант – держусь за Небо,
Как Гермес быстрее ветра
Уношусь куда невесть.
Но куда? Уже маячит
Впереди Харон лукавый,
Дружелюбно предлагает
Мне с разбегу в лодку сесть.

Иерусалим